От герменевтики подозрения к социологии подозрительности: между Полем Рикёром и Никласом Луманом

Виктор Вахштайн
Декан, философско-социологический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); декан, факультет социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); главный редактор, журнал «Социология власти». Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, корп. 2. E-mail: avigdor2@yahoo.com.

Ключевые слова: подозрение; герменевтика подозрения; подозрение мотивов; лицемерие; Поль Рикёр; Никлас Луман.

В статье показывается значение подозрения для концептуальной работы в социологическом теоретизировании. Ключевой вопрос: в каком отношении находятся между собой трансцендентальное подозрение исследователя и взаимное подозрение социальных агентов? Можем ли мы сказать, что подозрительность социолога — лишь частный случай всеобщей фундаментальной подозрительности обывателей? Или, наоборот, что подозрение социолога заставляет его атрибутировать свойство подозрительности самим подозреваемым? «Герменевтика подозрения» Поля Рикёра не позволяет дать ответ на этот вопрос, поскольку Рикёр выполняет три редуцирующих движения: делает подозрение условием различения сознания и бессознательного; исключает симметричность подозрения; сводит подозрение мотивов к подозрению сознания. В результате концепт подозрения у Рикёра оказывается под тройным обременением: оно исключено из мира, оторвано от интерсубъективности, отчуждено от действия.

Никлас Луман сразу эксплицирует подозрение именно в модусе «подозрения мотивов», парадигмальной моделью которого выступает марксистская социальная критика, иначе говоря, изобличение лицемерия. Однако Луман, так же как ранее Маркс, сталкивается с проблемой различения взаимного *социального* и привилегированного *трансцендентального* подозрения исследователя. Фокусировка на мотивах составляет единство различения трансцендентального и социального подозрения и позволяет выделить две специфические формы подозрения: *параноидную,* нацеленную на обнаружение «двойного дна» в действиях людей, и *шизоидную*, усматривающую «двойное дно» в самой окружающей действительности, где шизоидное подозрение оказывается куда более фундаментальной установкой. В его основе лежит *онтологическое сомнение* — отказ признавать видимое действительным. Благодаря ему метафизика множественных миров (лишь один из которых социален) стала непроблематичным аксиоматическим допущением социологии.

С ЛЕГКОЙ руки Поля Рикёра выражение «герменевтика подозрения» стало неотъемлемой частью современной философской критики. Благодаря его же теоретическому решению феномен подозрения оказался прочно связан с аналитикой сознания и бессознательного, рефлексии и трансценденции, манифестации и интерпретации. При этом современная социологическая теория, самим фактом своего существования обязанная развитию особого когнитивного стиля «социологической подозрительности», остается подозрительно равнодушной к подозрению.

В этой статье, оттолкнувшись от рикеровского решения, мы попытаемся показать его ограниченную релевантность для социологического теоретизирования, а заодно наметить повестку для дальнейших исследований.

Парадокс Рикёра

Термин «герменевтика подозрения» получил столь широкое распространение[1], что уже сама попытка отделения исходной рикеровской аргументации от последующих интеллектуальных наслоений требует почти археологических усилий. Мы помним, что по «делу о подозрении», начатому Рикёром в 1960-х годах, проходят «три мыслителя, срывающих маски»: Маркс, Ницше и Фрейд[2]. Рикёр объединяет три «дела» в одно судопроизводство, и имен-

Статья написана в рамках выполнения научно-исследовательской работы Центра социологических исследований РАНХиГС «Рождение „интеллектуального класса“ и реконфигурация социальной структуры: исследование практик интеллектуального производства» (2021). Автор хотел бы высказать искреннюю признательность коллегам — участникам семинара «Подозрительная социология подозрения» в Европейском университете в Санкт-Петербурге — Михаилу Соколову и Вадиму Волкову. А также Илье Утехину, Николаю Ссорину-Чайкову, Илье Яблокову и Константину Гаазе, без общения с которыми этот текст вряд ли был бы написан.

1. *Scott-Baumann A.* Ricœur and the Hermeneutics of Suspicion. L.: Continuum, 2009.
2. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 159.

но так «школа подозрения» предстает сегодня не только перед стороной обвинения, но и перед стороной защиты. К примеру, отстаивая необходимость особого типа подозрительности как условия возможности «натуралистического объяснения» и защищая трех классиков от «морализирующих интерпретаторов», Брайан Лейтер вовсе не оспаривает триединства Маркса — Ницше — Фрейда в качестве «великого триумвирата натуралистических мыслителей»[3].

И все же изначально обвинение в подозрении было предъявлено Рикёром не Ницше и Марксу, а исключительно Фрейду. С 1958 по 1961 год Рикёр перечитывает весь корпус фрейдовских работ в контексте своих исследований «символизма зла»[4], а в 1960 году презентует на конференции в Бонвале доклад о бессознательном (вошедший позднее в «Конфликт интерпретаций»[5]). Этим докладом и был начат великий крестовый поход, продолженный затем в книге о Фрейде. Именно Фрейд для Рикёра — носитель «самой что ни на есть антифилософской и антифеноменологической позиции». Ницше и Маркс — скорее «подельники» Фрейда, чем его предшественники. Рикеровская критическая экспликация адресована прежде всего психоаналитической стратегии подозрения.

Почему? Потому что ставка Рикёра — не разоблачение «школы подозрения», не герменевтика «философии подозрительности» как таковой, а спасение понятия сознания от нависшей над ним угрозы. Рикёр пишет:

> … родилась новая проблема — проблема ложного сознания, сознания как лжи: это не частная проблема; здесь радикальнейшим образом ставится под вопрос то, что для нас, ревностных феноменологов, является привычной областью исследования, фундаментом, более того, источником любого значения: я имею в виду сознание. Следовательно, то, что в одном отношении является для нас обоснованием, в другом — должно стать предрассудком, предрассудком сознания[6].

А значит, феноменология, если она и дальше хочет оставаться философией сознания, вынуждена

3. *Leiter B.* The Hermeneutics of Suspicion: Recovering Marx, Nietzsche, and Freud // The Future for Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2004.
4. *Reagan Ch.* Paul Ricœur. His Life and His Work. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
5. *Рикёр П.* Указ. соч.
6. Там же. С. 159.

> …переосмыслить и переобосновать понятие сознания так, чтобы бессознательное могло стать его другим, чтобы сознание оказалось способным на это «другое», называемое нами бессознательным[7].

Феноменологии необходимо извлечь уроки из фрейдовского переворота.

Рикёр полагает себя «ревностным феноменологом», но действует как герменевт: его метод — анализ текстов, экспликация моделей аргументации, толкование толкований. Он практически не обращается к философии сознания (которую, по его собственному признанию, пытается переобосновать). Кажется, что уничижительная критика Лестера Эмбри адресована непосредственно Рикёру:

> …доводы приводит пустословие, тогда как феноменологи размышляют и анализируют свой опыт. Это не означает, что самые лучшие из феноменологов никогда не выдвигают аргументы, но они делают это весьма редко и обычно в негативных целях, то есть против тех позиций, которые они считают ошибочными… Тем не менее многие из тех, кто идентифицирует себя в качестве феноменологов, посвящают почти все или даже все свои усилия конструированию аргументов за или против тех или иных утверждений, как это делается скорее в аналитической философии, где многие не могут уразуметь, что существуют иные подходы, чем аргументация. В противоположность им истинные феноменологи, как правило, не производят аргументы[8].

Впрочем, на эту критику у Рикёра нашелся бы весьма убедительный ответ. «Истинные феноменологи» вроде Эмбри продолжают жить в до-фрейдовом мире, где понятие сознания остается неколебимым основанием феноменологического исследования. Они подобны ученым-естественникам, цепляющимся за аксиомы ньютоновской физики уже после создания теории относительности. А потому «истинная феноменология» Эмбри — недоразумение, рожденное сном феноменологического разума.

Стратегия Рикёра — это стратегия радикального сомнения: чтобы спасти понятие сознания для будущих поколений феноменологов, нужно «выйти» из языка феноменологии, отказаться от всей машинерии рефлексивного анализа. Рикёр заключает:

7. Там же. С. 160.
8. *Эмбри Л.* Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. М.: Три квадрата, 2005. С. 16.

> Именно фрейдовский реализм является необходимым этапом в усвоении того, что рефлексивное сознание терпит поражение. Но, как станет ясно в конце нашего исследования, это поражение не напрасно, оно не является полностью негативным; с этого поражения начинается преобразование сознания: сознание начинает понимать, что оно должно со всей строгостью переосмыслить себя и свои необоснованные претензии[9].

В этом теоретическом ходе и состоит парадокс Рикёра. Пытаясь «переустановить» понятие сознания так, чтобы бессознательное могло стать его Иным, Рикёр вынужден порвать с философией сознания, а вместе с ней — и со всей феноменологической традицией. Феноменология не может дать обоснования своего центрального концепта; фрейдовский удар пришелся в цель и выбил из-под феноменологической модели мышления ее аксиоматическую опору. Чтобы вернуть ей былую прочность, нужен другой язык описаний — *язык метафеноменологии* (по аналогии с фрейдовской «метапсихологией»). Как только сознание перестает быть источником значения, феноменологический нарратив утрачивает претензию на самообоснование. Чтобы его спасти — нужно из него выйти[10]. Таким образом, сознание становится «задачей», а феноменология — герменевтикой.

Однако вернемся к философии подозрения.

Сознание как иллюзия, подозрение как разоблачение

Что же позволяет Рикёру объединить Фрейда, Маркса и Ницше в школу подозрения? Рикёр замечает:

> Прежде всего они боролись против одной и той же авторитетнейшей иллюзии — иллюзии самосознания. Эта иллюзия была первым плодом победы, одержанной над предшествующей иллюзией — иллюзией *вещи*[11].

Честь разоблачения прежней иллюзии принадлежит Декарту. Рикёр продолжает:

9. *Рикёр П.* Указ. соч. С. 163.
10. Виталий Куренной, вероятно, добавил бы здесь, что Рикёр действует в стилистике «крутого Уокера», которому приходится нарушать закон, дабы восстановить законность. Именно так он интерпретирует стратегию радикального сомнения Декарта. См.: *Куренной В.* Философия боевика // Логос. 1999. № 4. С. 96–103.
11. *Рикёр П.* Указ. соч. С. 223.

> Философ, воспитанный в школе Декарта, знал, что вещи вызывают сомнение, что они не такие, какими кажутся; но он не сомневался в том, что сознание таково, каким оно предстает перед самим собой: в нем смысл и осознание смысла совпадают. Благодаря Марксу, Ницше и Фрейду мы стали и в этом сомневаться. Вслед за сомнением относительно вещи мы подошли вплотную к сомнению и относительно сознания[12].

В каком отношении находятся две иллюзии — иллюзия вещи и иллюзия сознания? Вторая является инструментом преодоления первой: это отношение замещения. Мы заместили уверенность в вещах уверенностью в данности сознания самому себе. Рикёр при этом признает некоторую симметричность двух великих стратегий разоблачения: «Декарт победил сомнение относительно вещи при помощи очевидности сознания; а эти трое победили сомнение относительно сознания путем истолкования смысла». Но можем ли мы сказать, что декартово «сомнение в вещах» было некоторым прототипом стратегии подозрения Фрейда — Ницше — Маркса, чем-то вроде протоподозрения? Рикёр старательно избегает этого хода.

Рикеровский аргумент ведет нас дальше:

> Если сознание не таково, каким оно само себя представляет, то должно быть установлено новое отношение между явным и скрытым; это новое отношение должно соответствовать тому, что сознание создает между явлением вещи и ее реальностью. Фундаментальная категория сознания для всех троих — это отношение «скрытое/явное», или, если хотите, «ложное/очевидное»[13].

Помочь в установлении такого отношения может только истолкование, интерпретация, расшифровка данностей сознания. Начиная с трех гениев подозрения, «понимание становится герменевтикой; отныне искать смысл не значит разбирать по частям осознание смысла, а значит *расшифровывать* выражения смысла в сознании»[14].

Отсюда второе объяснение описанного выше парадокса Рикёра: он покидает феноменологический нарратив и уходит в герменевтический анализ не только в поисках метаязыка феноменологии; выбор герменевтики не случаен — этого требует сама постфрейдовская концепция данностей сознания как объектов интерпретации.

12. Там же.
13. Там же. С. 224.
14. Там же.

Фрейд здесь не одинок. Все трое «мыслителей, срывающих маски», разоблачают оставленную нам в наследство Декартом иллюзию, разотождествляя данности сознания и их смысл.

> Здесь обнаруживается еще более глубокое родство между Марксом, Ницше и Фрейдом. Все трое, отмечали мы, начинают с сомнения, говоря об иллюзии сознания, и прибегают к приему дешифровки; все трое, не будучи ниспровергателями сознания, в конечном итоге стремятся к расширению последнего[15].

Именно поэтому Маркс у Рикёра чуть ли не полностью редуцирован к теориям «ложного сознания», а Ницше — к искусству подозрения и воле к власти:

> Близость между Фрейдом и Ницше, вероятно, наиболее разительна; для каждого из них изначально дано не сознание как таковое, а ложное сознание, предрассудок, иллюзия. Вот почему сознание должно подвергнуться интерпретации[16].

И далее:

> Если сознание изначально выступает как ложное сознание, рефлексия должна согласиться с такой его децентровкой, оно должно, если воспользоваться словами из Священного Писания, потерять себя, чтобы обрести вновь[17].

Декарт преодолевает иллюзию вещи с помощью инстанции сознания; Фрейд, Маркс и Ницше преодолевают иллюзию сознания с помощью совершенно иных инстанций — бессознательного, обстоятельств социального бытия и воли к власти. Но Рикёр намеренно не замечает этих различий в инстанциях обоснования; сходства для него важнее. В конечном счете подозрение — это не про то, что кажется нам несомненным, а про то, что кажется нам сомнительным.

«Слепые пятна» герменевтики подозрения

Что не так с рикеровской моделью мышления? Начнем с наиболее очевидного. Как соотносится сознание и ключевое для культуры подозрения различение «скрытого/явного»? Является ли созна-

15. Там же. С. 225.
16. Там же.
17. Там же. С. 454.

ние единством этого различения? Нет. Оно всегда уже на одной из сторон различения — на стороне явного. И требуется операция расшифровки и декодирования, чтобы увидеть в явном (сознании) следы скрытого (значения). Означает ли это, что подозрение — операция исключительно дешифрующего герменевтического разума? Видимо, да. Куда же в таком случае исчезает «сомнение в вещах»? Деятельность самого сознания, по Рикёру, не является деятельностью по расшифровке мира; воспринимая, мы не декодируем вещи. Если бы Рикёр признал полную симметрию декартовой и фрейдовской стратегий разоблачения, здесь бы открылся ход к обнаружению амбивалентности подозрения, которое есть одновременно и свойство самого сознания, и свойство анализирующего его разума. Но Рикёр избегает такой симметризации — предшественником великого триумвирата у него оказывается не Декарт, а Ларошфуко.

Это первая рикеровская редукция: подозрение есть условие различения сознания и бессознательного (сознания и классовых интересов, сознания и воли к власти), но никак не свойство самого сознания.

Вторая редукция является продолжением первой и касается вопроса об интерсубъективности. Подозрение у Рикёра носит выраженный эпистемологический характер, это операция познающего разума — идет ли речь о познающем разуме психоаналитика, который расшифровывает письмена бессознательного в сознании пациента, или о познающем разуме самих философов подозрения. Парадоксальным образом Рикёр не видит второй локализации подозрения — его укорененности в интерсубъективных отношениях. Подозрение социально. Но не для Рикёра. Его единственная отсылка к интерсубъективности подозрения касается отношений врача и пациента. Именно в этих отношениях врач должен произвести герменевтическую расшифровку сознания пациента, сделав шаг от данности к смыслу, а пациент — принять интерпретацию, предложенную врачом. То есть сам пациент ничего не расшифровывает (если исключить случай самоанализа) и никого не подозревает. И вновь удивительное отсутствие симметрии.

Наконец, третье «слепое пятно» герменевтики подозрения, пожалуй, самое поразительное. Студенты-психологи, годами изучающие деятельность защитных механизмов сознания по Фрейду, с трудом могут принять рикеровскую трактовку по одной простой причине: *сознание в психоанализе вовсе не является основным объектом подозрения*. В ортодоксально психоаналитической (а не философской) интерпретации объект подозрения — это пре-

жде всего *мотивы* поведения. Вспомним один из любимых фрейдовских примеров рационализации. Женщине под гипнозом внушают, что она должна открыть зонт. Очнувшись, она его открывает и на вопрос гипнотизера, зачем она это сделала, отвечает: чтобы проверить, не сломан ли он. Лиса отказывается от попыток съесть виноград, потому что не может до него достать, но «рационализирует» свой отказ тем, что виноград еще зелен, «ягодки нет зрелой». Ложный мотив замещает подлинный мотив. Именно с этим и следует работать психоаналитику.

Каким образом Рикёру удается провести столь детальный, насыщенный литературными аллюзиями и многословными философскими отступлениями анализ фрейдовской модели мышления и при этом вытеснить — практически полностью! — на периферию внимания вопрос о мотивации человеческих поступков? Как можно было так беззастенчиво вырвать фрейдовскую идею подозрения из контекста психологической теории мотивации?

Ответ напрашивается сам собой. Рикёра не интересует мотивация. (Она заинтересует его существенно позднее, когда он попытается развернуть свою герменевтическую логику анализа в теории социального действия, где и потерпит сокрушительное поражение[18].) Рикёра интересует сознание. А потому и концепт подозрения у него оказывается трижды ущербным: исключенным из мира, оторванным от интерсубъективности, отчужденным от действия. Это те три ограничения, которые должны быть преодолены, если мы всерьез хотим сделать подозрение предметом социологического анализа.

Трансцендентальное и социальное подозрение

Начнем с базовой дефиниции. В самом общем виде подозрение есть отношение к миру в модусе «Что за этим кроется?» Такой формулировкой мы обязаны Никласу Луману[19]. Именно поэтому когнитивные операции подозревающего разума всегда предполагают отсылку к чему-то внешнему/сокрытому:

18. *Рикёр П.* Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 25–43; *Борисенкова А. В.* Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 55–63.
19. *Луман Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С. П. Баньковской. М.: Университет, 2002. Т. 2.

> Например, можно восторгаться китайской живописью, элегантностью рисунка и растворением очертаний в облаках и тумане. Но можно также установить, что облака на картинах всегда бывают помещены там, где требуется скрыть, что китайцы не владеют центральной перспективой[20].

То, что существует «на самом деле», всегда сокрыто от глаз наблюдателя. А значит, он должен отнестись к видимости со всем должным подозрением и посредством некоторых аналитических операций (необязательно герменевтического толка) прийти к выводу о подлинных причинах видимого. В первом приближении подозрение утверждает примат Разума над Взглядом.

Сакральной фигурой этого когнитивного стиля всегда был Маркс. Для атаки на Маркса Луман мог выбрать сотни удачных примеров марксистской «культуры подозрения», но выбрал один-единственный образец — критику английских фритредеров в лице фабриканта Ричарда Кобдена и потакающего ему премьер-министра Роберта Пиля. Как мы помним из отечественных учебников истории, Кобден и Джон Брайт ратовали за отмену хлебных законов, мотивируя это стремлением снизить цены на хлеб, но рабочие

> …не дали себя обмануть фальшивыми обещаниями Кобдена, Брайта и К° и не тешили себя надеждой на осуществление их фраз о дешевом хлебе, высокой заработной плате и изобилии работы[21].

Энгельс уличает фритредеров в лицемерии — стремлении заручиться поддержкой рабочего класса для борьбы с крупными землевладельцами; *в действительности же* облегчение участи рабочих вовсе не входит в планы буржуазии, *на самом деле* отмена хлебных законов только развяжет буржуазии руки и позволит ей усилить эксплуатацию.

Марксистскую культуру подозрения Луман называет «культурой подозрения мотивов». И это уже само по себе любопытно. Рикёр свел марксистское подозрение к теории «ложного сознания» и критике идеологии. Более того, как мы видели выше, ему удалось проигнорировать идею ложного мотива даже у Фрейда. Луман же эксплицирует подозрение именно в модусе «подо-

20. Там же. С. 320.
21. *Энгельс Ф.* Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 4. С. 258.

зрения мотивов» там, где это наименее очевидно. Разоблачение ложного сознания, критика идеологии и вся постмарксистская традиция подозрительности в отношении перверсий капиталистического мира оказываются вторичными по отношению к такому, на первый взгляд, маргинальному сюжету, как обвинение фритредеров в лицемерии. Как мы увидим дальше, слово «мотив» здесь ключевое. А пока сделаем шаг к иной версии культуры подозрения — той, которую столь виртуозно описывают социальные антропологи.

В работе Ильи Утехина быт петербургской коммунальной квартиры насквозь пронизан подозрением[22]. Более того, подозрение соседей по отношению друг к другу является основным механизмом солидаризации этой странной социальной общности.

> Местного алкоголика систематически подозревают в мелких кражах вещей из пустой комнаты — бутылок, банок и книг… В потенциально конфликтных ситуациях, когда водогрей гаснет сам по себе, соседи прибегают к специальным средствам, чтобы отвести от себя гнев моющегося в ванной…[23]

Многодетные семьи в коммуналке априорно находятся на подозрении — они пытаются «получить отдельную квартиру, нарожав детей». Подозрения вызывает избыточное внимание к гигиеническим практикам — слишком долго и тщательно мыться можно только в связи с каким-то экстраординарным событием. Те, кто совместно пользуется холодильником, непременно подозревают друг друга в подмене продуктов. И наконец, главный локус коммунального подозрения — туалет:

> Никто не знает, чем сосед занимается во временно закрытом пространстве места общего пользования — об этом можно только подозревать. Соответственно, для коммунального мировоззрения само собой разумеется, что линия поведения человека, когда его никто не видит, может отличаться от того, что выходит на поверхность и становится известно окружающим[24].

22. *Утехин И. В.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.
23. Там же. С. 62.
24. Там же. С. 64. См. также исключительно интересную статью Николая Ссорина-Чайкова о связи подозрения, дружбы и неформальных экономических практик в субарктической Сибири: *Ссорин-Чайков Н. В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.

Что общего у Карла Маркса и обитателей петербургской коммуналки? Глубокое убеждение в лицемерии подозреваемых. Подозреваемый Кобден силится убедить нас в том, что желает снижения цен на хлеб. Но его подлинный мотив — обогащение. Подозреваемые многодетные родители силятся убедить нас в своей любви к детям, но мы-то знаем, что все это часть расчетливой стратегии, цель которой — получить отдельную квартиру.

В то же время базовое отличие «культуры подозрения» Маркса от «культуры подозрения» в коммунальной квартире коренится в различии *социального* и *трансцендентального* подозрения. Последнее — привилегия исследователя. Маркс подозревает Кобдена. Он уличает[25] того в лицемерии. Насколько подозрительность свойственна самим фритредерам? Мы этого не знаем. Трансцендентальное подозрение не взаимно, оно закрепляет асимметрию исследователя и исследуемых по линии «подозрение → лицемерие». Напротив, в коммунальной квартире все подозревают всех. Это не трансцендентальное, а социальное подозрение, оно вплетено в саму ткань мира социальных взаимодействий. Социальное подозрение взаимно, симметрично и интерсубъективно (перефразируя Альфреда Шюца, мы могли бы сказать, что «подозрение-для-того-чтобы» одного участника коммуникации становится «подозрением-потому-что» другого).

Трансцендентальная подозрительность, одну из версий которой Луман находит у Маркса, фокусирует взгляд исследователя на обнаружении неподлинности мотивов исследуемых. Те мотивы, которые озвучивают социальные агенты, не являются их действительными интенциями. Подлинные же интенции надо искать в сфере «сокрытого»: вытесненных воспоминаний или классовых интересов. Бруно Латур показывает, как все социологическое объяснение оказывается пронизанным культурой подозрения: например, деятели культа силятся убедить нас в том, что религиозные верования имеют отношение к трансцендентному божественному миру, но мы-то знаем, что за ними стоят социальные факты, и прежде всего механизмы поддержания солидарности. Так, благодаря Дюркгейму регион социального оказывается одновременно действительным и сокрытым — чем-то вроде сферы

25. Уличение и обличение — взаимосвязанные операции подозревающего разума (*Хархордин О.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: ЕУСПб, 2002).

Id у Фрейда[26]. Луман указывает на особенную трансцендентальную подозрительность двух областей современной социологии: критические исследования права (*Critical Legal Studies*) и социологию науки. Обе они разоблачают подлинные причины действий юристов и ученых, скрытые за видимой самообоснованностью их мотивов[27].

Трансцендентальное подозрение удивительным образом примиряет теоретиков и эмпириков. Подозрительный исследователь-теоретик всегда точно знает, где ему следует искать истинные причины человеческих действий, — весь словарь его теоретических интерпретаций «заточен» под эту операцию разоблачения неподлинности. Подозрительный исследователь-эмпирик

> …живет в постоянном страхе быть обманутым. Он боится подвергнуться риску получить искаженную информацию, боится стать жертвой мистификации, боится быть оставленным в дураках информантом. Он знает, что вокруг него постоянно разыгрываются спектакли, которые не соответствуют его целям, и единственное, что ему остается, — искать подлинное социальное за масками исполнителей[28].

Здесь кажется любопытным наблюдение одного протестантского теолога:

> …греческое слово *hypokrisis*, соответствующее слову «лицемерие», изначально было театральным термином, означавшим «лицедейство» или «игра», и в новозаветные времена имело ярко выраженную негативную коннотацию[29].

Лицемерие — атрибут игры. Культура подозрения мотивов (как элемент когнитивного стиля социологии) делает концептуализа-

26. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006.
27. *Луман Н.* Указ. соч.
28. См. рецензию на книгу Владимира Ильина «Драматургия качественного полевого исследования» (СПб.: Интерсоцис, 2006): *Сафонова М.* Драма полевого исследователя: подозрение в качестве метода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 189.
29. *Гай К.* Социология познания и искусство подозрения (социологическое толкование толкования) // Библия в современном мире: аспекты толкования. М.: Триада, 2002. С. 112.

цию социального мира в категориях театральной игры необычайно привлекательной[30].

Разрыв

Ключевой вопрос: в каком отношении находятся между собой трансцендентальное и социальное подозрение? Можем ли мы сказать, что подозрительность социолога — лишь частный случай всеобщей фундаментальной подозрительности социальных агентов? Или наоборот, что подозрение социолога заставляет его атрибутировать свойство подозрительности самим подозреваемым?

Оба хода кажутся нам сомнительными. Первый сам является порождением аксиоматики подозрения — мы должны изначально поместить (без всяких предварительных обоснований) подозрительность в природу социального субъекта, чтобы затем объяснить свою собственную одержимость поиском подлинных мотивов его действий. Второй ход кажется неудовлетворительным чисто логически — трансцендентальное подозрение социолога вовсе необязательно проецирует свойство подозрительности на изучаемый им мир. Актеры играют и «лицемерят», но они не обязаны при этом быть подозрительными. Напротив, те примеры социального подозрения, которые мы приводили выше, были получены в максимально далекой от культуры трансцендентального подозрения оптике социальной антропологии: ни Утехин, ни Ссорин-Чайков не ищут подлинных мотивов «над» или «под» словами своих информантов. Они описывают подозрение так, как оно проявляется в собранных интервью. Социальные антропологи куда менее подозрительны в отношении своих информантов, чем сами информанты в отношении друг друга. Соответственно, нам вовсе не требуется быть «подозревающими субъектами», чтобы увидеть в подозрении основу социальных взаимодействий. Скорее, даже наоборот. Социальное и трансцендентальное подозрение принципиально несводимы друг к другу.

Пожалуй, самое яркое исключение из этого правила — Ирвинг Гофман. В его работах каждый компетентный социальный актор — не только умелый исполнитель своей роли, но и разведчик, стремящийся скрыть от других некоторое положение вещей,

30. *Волков В. В.* Слова и поступки // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 56–60; *Вахштайн В. С.* К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция // Логос. 2013. № 2. С. 3–37.

и контрразведчик, находящийся в непрестанном поиске достоверной информации об остальных агентах[31]. (Отсюда значимость идеи *containment* — удержания друг друга «под колпаком»[32].) Отвечая на ключевой для фрейм-анализа вопрос «Что здесь происходит?», люди вынуждены давать оценку происходящих событий в категориях их подлинности/сфабрикованности.

> Именно с этим влиянием связано одно из базовых понятий: *подозрение*. Чувство подозрения возникает у человека, когда он, правомерно или нет, начинает думать о том, что деятельность, в которой он участвует, конструируется без его ведома и ему не дают возможности вникнуть в тот фрейм, который определяет его деятельность[33].

И если подозрение подтверждается, легитимность самой «игры» оказывается под вопросом:

> Понятно также, что, если во время игры в бридж у членов одной команды появляется тайный код для обмена информацией о своих картах, нужно ожидать, что жульничество получит всеобщее распространение, всеобщим также будет подозрение — обоснованное или нет, — что все мошенничают, а отсюда всеобщее подозрение — неважно, правильное или нет, — что все подозревают[34].

Однако это — социальное подозрение, которое Гофман рассматривает чуть ли не как универсальный атрибут любых структурированных взаимодействий. Нетрудно также заметить, что и сама позиция создателя фрейм-анализа в отношении к повседневным социальным «игрокам» пронизана трансцендентальным подозрением. Гофман, который, по воспоминаниям его бывших студентов, иногда обнюхивал малознакомых людей, чтобы составить о них более полное представление, держит на подозрении весь социальный мир. Он описывает пассажиров, ожидающих автобуса на остановке, так, как если бы любой шаг каждого из них был хорошо продуманной и заранее спланированной операцией спецслужб.

31. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
32. *Батыгин Г. С.* Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. 2001. № 2. С. 5–24.
33. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 180.
34. Там же. С. 294.

Параноидное и шизоидное подозрение

А теперь сделаем следующий шаг и сформулируем вопрос иначе: что составляет *единство различения* трансцендентального и социального подозрения? Что — при всех различиях избирательной подозрительности социолога и тотальной подозрительности социальных агентов — объединяет эти два феномена? Ответ был дан выше Луманом: фокусировка на мотивах. Мы подозреваем людей (в лицемерии). Мы подозреваем ситуации (в сфабрикованности). Далее мы будем называть такую специфическую форму социологического подозрения мотивов *параноидным* подозрением. Оно может быть трансцендентальным и социальным, но всегда нацелено на обнаружение «двойного дна» в действиях людей. Принципиально иначе устроен другой тип подозрительности, который мы здесь — для сохранения терминологического единства — будем называть *шизоидным*. Оно состоит в обнаружении «двойного дна» у самой окружающей действительности, воспринятой обезличенно. Это острое чувство неподлинности всего происходящего, хорошо знакомое писателям, философам и людям, страдающим психическими отклонениями.

Самые яркие примеры такого типа шизоидной подозрительности мы найдем в литературе. Одна из героинь Милана Кундеры, пражская художница, воспитанная в духе социалистического реализма, объяснила свое творческое становление на любопытном примере:

> Она откуда-то вытащила старый холст, на котором была изображена стройка металлургического завода. Она писала его в ученические годы, когда в Академии требовали самого точного реализма, и Сабина, увлеченная спортивным духом пари, стремилась быть еще строже своих учителей — она писала картины так, что мазки кисти были на них совершенно невидимы, и они становились похожими на фотографии.
>
> — Эту картину я испортила. Капнула на нее красной краской. Сперва я ужасно переживала, а потом пятно мне понравилось, оно походило на трещину. Словно стройка была не настоящей стройкой, а треснувшей театральной декорацией, на которой стройка всего лишь нарисована. Я начала играть с этой трещиной, расширять ее, придумывать, что можно было бы увидеть позади нее. Так я написала свой первый цикл картин, который назвала «Кулисы».
>
> Естественно, я никому их не показывала. Меня тотчас бы выгнали из Академии. На первом плане всегда был совершенно

> реалистический мир, а за ним, словно за разорванным полотном декорации, виднелось что-то другое, таинственное и абстрактное. Впереди была понятная ложь, а позади непонятная правда[35].

Героиня Кундеры не ищет «двойного дна» в действиях людей, она не подозревает их в лицемерии, не обнаруживает тайных мотивов за поступками окружающих. Она переживает неподлинность окружающего ее мира как такового. Шизоидное подозрение не ограничивается людьми; даже здания для него — не более чем декорации в неизвестном спектакле. Майк Дэвис убедительно описывает неподлинность городского пространства. Скамейка в лос-анджелесском парке выглядит как удобный артефакт повседневной жизни, но за ней стоит политическая воля муниципалитета — именно по его заказу скамейку спроектировали так, чтобы на ней не могли спать бомжи[36]. Аналогичным образом Лэнгдон Винер показывает, что за самоочевидностью нью-йоркских мостов скрывается стремление градостроителей не допустить автобусы из бедных «черных» кварталов в даун-таун (мосты построены слишком низко для высоких муниципальных автобусов)[37]. Шизоидное подозрение — вопрос «Что за этим кроется?», адресованный не мотивам действующих, а самой наблюдаемой реальности, — это та установка, которая доводит до самоубийства набоковского шахматиста Лужина, разглядевшего в череде на первый взгляд никак не связанных между собой событий (поворот трамвая, случайная встреча и т. д.) ходы в шахматной партии с неизвестным, трансцендентным разумом. Именно поэтому нам кажется не вполне убедительным утверждение Михаила Соколова о «невозможности подозревать вещи» — вещи куда подозрительнее людей (о чем нам не устают напоминать архитектурные критики[38]).

Редукция шизоидного подозрения к параноидному — привычный сюжетный ход в популярной литературе и кино. Герой обнаруживает странность происходящего, начинает сперва подозре-

35. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 184.
36. *Davis M.* City of Quartz. Excavating the Future in Los Angeles. N.Y.: Verso, 1990.
37. *Winner L.* Do Artifacts Have Politics? // The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
38. *Колхас Р.* Нью-Йорк вне себя. М.: Стрелка, 2013.

вать заговор против себя лично, затем приходит к мысли о неподлинности окружающего его мира как такового, сомневается в собственной психической адекватности и, наконец, выясняет, что его первоначальные подозрения справедливы — он вменяем и адекватен, мир не утратил своей онтологической тотальности, а заговор на самом деле имеет место. (См. фильмы «Шоу Трумана» с Джимом Керри и «Игра» с Майклом Дугласом.)

И тем не менее шизоидное подозрение является куда более фундаментальной установкой. В его основе лежит *онтологическое сомнение* — отказ признавать видимое действительным. (Ирвинг Гофман пытается радикально развести «подозрение» и «сомнение», но различение, которое он предлагает, для целей нашего рассуждения здесь нерелевантно — сомнение в подлинности видимого есть условие и социального, и трансцендентального подозрения.)

В шизоидном подозрении мы также можем различить трансцендентальную и социальную логики. Социальное шизоидное подозрение — это то, что заставляет кундеровскую Сабину видеть «обратную сторону вещей», а набоковского Лужина — признать свое экзистенциальное поражение перед безличным мировым разумом. Человек, ежедневно подвергающийся воздействию пропаганды, может отнестись к реальности «на экране телевизора» в модусе параноидного подозрения — он знает, что за словами журналистов скрываются навязанные «темники» и спущенные сверху интерпретации, он легко обнаруживает пропагандистские клише в словах аналитиков и комментаторов. Он понимает, что все это — не более чем маскировка чьих-то подлинных мотивов. Он даже может догадаться чьих. Однако в режиме шизоидного подозрения адресат отсутствует. На подозрении находятся не отдельные интерпретации и журналисты, а демонстрируемая реальность как таковая. События лишаются онтологического статуса. При всем различии двух модусов подозрения они объединены установкой «Что за этим кроется [на самом деле]?» и возникают в процессе социальных взаимодействий.

Социальное шизоидное подозрение воплощается в описанном Фрейдом чувстве «жуткого» (*unheimlich*). Фрейд приводит цитату из Шеллинга: «Жуткое — это все, что должно было оставаться тайным, сокровенным, но выдало себя». Чувство жуткого ярче всего проявляется в навязчивых состояниях («пока я спал, все вещи в моей квартире превратились в их точные копии»). Фрейд же показывает действие шизоидного подозрения у вполне здоровых

людей, участников рутинных социальных взаимодействий. Именно повторяемость — ключевая особенность рутины повседневности — зачастую создает у социальных агентов ощущение жуткого совпадения:

> …фактор неумышленного повторения делает жутким то, что в ином случае является безобидным, и навязывает нам идею рокового, неизбежного там, где иначе мы сказали бы только о «случае». Так наверняка, когда, например, за свою сданную в гардероб одежду получают номерок с определенным числом — скажем, 62 — и когда обнаруживают, что полученная каюта носит тот же номер, то это — незначительное событие. Но такое впечатление меняется, когда два индифферентных самих по себе события близко сходятся друг с другом, так что кто-то в один день неоднократно сталкивается с числом 62, и когда при таких обстоятельствах этот кто-то случайно вынужден наблюдать, что все, носящее номер, — адреса, гостиничные комнаты, вагоны железной дороги и т. д. — снова и снова повторяет тот же номер, по крайней мере в качестве составной части. Это считается «жутким», а тот, кто уязвим и чувствителен к искусам суеверий, обнаружит склонность приписать это назойливое возвращение одного и того же числа тайному смыслу, скажем, увидит здесь указание на предопределенную ему продолжительность жизни[39].

Напротив, трансцендентальное шизоидное подозрение — установка самого психоаналитика, а не его пациентов. Именно такая установка позволяет Фрейду разглядеть в повседневных переживаниях жути работу вытеснения, в синдроме «всевластия мыслей» — подсознательную анимистическую веру в сокрытый мир духов, а в страхах главного героя «Песочного человека» — комплекс кастрации[40]. Социальное шизоидное подозрение являет себя в повседневности спонтанно и непреднамеренно. Обратная сторона вещей вдруг сама дает о себе знать, проявляясь как «веление судьбы» в повседневных событиях. Трансцендентальное шизоидное подозрение требует работы расшифровки, методичного «вскрытия сокрытого», приведения наблюдаемого к действительному.

Так же как трансцендентальное параноидное подозрение — удел социологов, трансцендентальное шизоидное подозрение —

39. *Фрейд З.* Жуткое // Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 274.
40. Там же. С. 271.

прерогатива психоаналитиков и философов. Начиная с платоновского мифа о пещере и вплоть до структуралистской одержимости поиском глубинных структур, мы можем выделить ряд философских стратегий обнаружения неподлинности видимого мира. В итоге шизоидное подозрение — это специфическая версия философской онтологии множественных миров; специфическая — потому что видимый мир признается не просто одним из множества возможных сегментов реальности, но и наименее «онтологически достоверным» ее сегментом.

Подозрение и теория множественности реальностей

В корпусе продуктивных мифологем, выработанных европейской метафизикой, представление о мире как о совокупности упорядоченных и относительно автономных друг от друга «онтологических регионов» — одно из самых востребованных социологической теорией. В работе «Социология и космос» Александр Филиппов обращает внимание на причины этой популярности — идеи государственного суверенитета и суверенности Социального (как особого мира *sui generis*) непосредственно связаны[41]. Виной тому онтологическая дивергенция — расщепление образа «единого Космоса» как всеохватывающего универсума и фокусировка на «субуниверсумах», «частных космосах», лишенных общего основания.

Этот вектор эволюции в истории идей позволяет классикам нашей дисциплины отмыслить Социальное от остальных онтологических регионов (физического или психического) — провозгласить его суверенитет и потребовать признания его самозаконности. Правовой позитивизм провозглашает суверенитет «чистого права», де Соссюр говорит о «чистом языке» (отмысленном от «грязной речи»), классики экономической теории — о «чистой рациональности» экономических агентов. Без признания онтологической чистоты объекта трудно требовать эпистемической независимости изучающей его науки; в социологии это требование наиболее последовательно было сформулировано в дюркгеймовском императиве «объяснения социального социальным». Таким образом, метафизика множественных

41. *Филиппов А. Ф.* Социология и космос: Суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991.

миров (лишь один из которых социален[42]) стала непроблематичным аксиоматическим допущением классической социологии. Проведенная на этапе институционализации нашей дисциплины «онтологическая зачистка» не дает покоя современным теоретикам[43].

Что происходит с идеей «объемлющего универсума» после того, как мир расщепляется на множество суверенных онтологических регионов? Филиппов по этому поводу замечает:

> Космос в любом случае проникал в теоретические схемы: если не как собственная проблема теории, то как факт существования религиозных космологий, продолжающих, даже после своего распада, еще оказывать влияние на культурную традицию и социальную жизнь[44].

Этот ход позволяет ему проследить другую любопытную параллель: идея Империи есть политический дистиллят идеи объемлющего Универсума (так же как идея суверенного национального государства коррелятивна идее социального субуниверсума или «частного космоса»). Однако этот теоретический разворот мы оставим политическим философам.

Суммируем пока проведенные выше различения.

Четыре типа подозрения

Итак, в попытке сделать шаг от рикеровской герменевтики подозрения к «социологии подозрительности» мы провели два различения. В основе одного из них — различение познающего субъекта и социальных агентов. В основе другого — различение параноидного «подозрения мотива» и шизоидного «подозрения мира» (которое схватывает обе описанные Рикёром стратегии разоблачения иллюзий — декартову «иллюзию вещи» и фрейдовскую «иллюзию сознания», понятые как симметричные операции).

42. *Вахштайн В. С.* Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М.: ЦГИ, 2015.
43. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
44. *Филиппов А. Ф.* Указ. соч. С. 241.

	Трансцендентальное	Социальное
Параноидное	Установка исследователя на поиск скрытых мотивов действий коллективных и индивидуальных агентов (например, марксистская культура подозрения мотивов)	Установка социальных агентов на поиск скрытых мотивов действий других агентов (например, взаимное подозрение обитателей коммунальной квартиры)
Шизоидное	Установка исследователя на поиск скрытого «измерения» наблюдаемого феномена (например, фрейдовская аналитика бессознательного)	Установка участника социальных взаимодействий на поиск «подлинных и сокрытых» оснований повседневных событий (например, переживание «жуткого»)

Эта таблица различений нужна нам не для «разоблачения» симметрии между установками исследователя и установками объектов его исследования. Ее задача — прояснение интересующего нас вопроса о связи двух стратегий теоретизирования — лумановской и рикеровской: почему Рикёр выносит за скобки фрейдовскую концепцию «ложных мотивов» и почему Луман отказывается от критики теорий «ложного сознания».

Аналогичным образом мы можем проследить различие и сходство теоретических стратегий «сопротивления подозрению». Однако это уже предмет другого исследования.

Библиография

Батыгин Г. С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. 2001. № 2. С. 5–24.

Борисенкова А. В. Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 55–63.

Вахштайн В. С. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М.: ЦГИ, 2015.

Вахштайн В. С. К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция // Логос. 2013. № 2. С. 3–37.

Волков В. В. Слова и поступки // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 56–60.

Гай К. Социология познания и искусство подозрения (социологическое толкование толкования) // Библия в современном мире: аспекты толкования. М.: Триада, 2002.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Ильин В. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
Колхас Р. Нью-Йорк вне себя. М.: Стрелка, 2013.
Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб.: Азбука-классика, 2003.
Куренной В. Философия боевика // Логос. 1999. № 4. С. 96–103.
Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–364.
Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С. П. Баньковской. М.: Университет, 2002. Т. 2. С. 319–353.
Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 25–43.
Сафонова М. Драма полевого исследователя: подозрение в качестве метода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 187–194.
Ссорин-Чайков Н. В. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.
Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.
Филиппов А. Ф. Социология и космос: Суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991.
Фрейд З. Жуткое // Он же. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: ЕУСПб, 2002.
Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. М.: Три квадрата, 2005.
Энгельс Ф. Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 4.
Davis M. City of Quartz. Excavating the Future in Los Angeles. N.Y.: Verso, 1990.
Leiter B. The Hermeneutics of Suspicion: Recovering Marx, Nietzsche, and Freud // The Future for Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2004.
Reagan Ch. Paul Ricœur. His Life and His Work. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
Scott-Baumann A. Ricœur and the Hermeneutics of Suspicion. L.: Continuum, 2009.
Winner L. Do Artifacts Have Politics? // The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

FROM THE HERMENEUTICS OF SUSPICION TO THE SOCIOLOGY OF SUSPICIOUSNESS: BETWEEN PAUL RICŒUR AND NIKLAS LUHMANN

Victor Vakhshtayn. Dean, Faculty of Philosophy and Sociology; Dean, Faculty of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES); Dean, Faculty of Philosophy and Sociology; Editor-in-Chief of the journal *Sociology of Power*, avigdor2@yahoo.com.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo Ave., Bldg. 2, 119571 Moscow, Russia.

Keywords: suspicion; hermeneutics of suspicion; suspicion of the motives; hypocrisy; Paul Ricœur; Niklas Luhmann.

The article explores the significance of suspicion for conceptual work in sociological theory. The key question is what the relationship is between the transcendental suspicion of the researcher and the mutual suspicion among social agents? Can we say that the suspicion of a sociologist is only a special case of the universal fundamental suspicion of social agents? Or instead that the suspicion of sociologists forces them to attribute the property of suspicion to the suspects themselves? Paul Ricœur's "hermeneutics of suspicion" does not allow an answer to this question because Ricœur makes three reductive maneuvers: he makes suspicion a condition for distinguishing between consciousness and the unconscious, eliminates the symmetry of suspicion, and reduces suspicion of motives to suspicion of consciousness. Ricœur's concept of suspicion therefore is triply encumbered: it is excluded from the world, disconnected from intersubjectivity, and alienated from action.

Niklas Luhmann explicates suspicion precisely in the mode of "suspicion of motives," for which Marxist social criticism or, in other words, exposing hypocrisy is the paradigm. However, Luhmann is faced as Marx was with the problem of distinguishing between mutual social suspicion and the privileged transcendental suspicion of the researcher. Focusing on motives locates unity in the difference between transcendental and social suspicion and allows us to distinguish two specific forms of suspicion: the paranoid form aimed at detecting a "double bottom" in human actions; and the schizoid form which finds a "double bottom" in surrounding reality itself, which makes schizoid suspicion a much more fundamental stance. It is based on ontological doubt — a refusal to recognize the visible as valid. That doubt fostered the metaphysics of multiple worlds (only one of which is social) that has become an unproblematic axiomatic assumption of sociology.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-149-171

References

Batygin G. S. Kontinuum freimov: dramaturgicheskii realizm Irvinga Gofmana [Frame Continuum: Dramaturgic Realism of Erving Goffman]. *Vestnik RUDN* [RSUH/RGGU Bulletin], 2001, no. 2, pp. 5–24.

Borisenkova A. V. Teoriia povestvovaniia Polia Rikera: ot narrativnoi organizatsii opyta k narrativnym osnovaniiam nauchnogo znaniia [Paul Ricœur's Theory of Narration: From Narrative Organisation of Experience to Narrative Foundations of Scientific Knowledge]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2007, vol. 6, no. 1, pp. 55–63.

Davis M. *City of Quartz. Excavating the Future in Los Angeles*, New York, Verso, 1990.

Embree L. *Refleksivnyi analiz. Pervonachal'noe vvedenie v fenomenologiiu* [Reflective Analysis. A First Introduction into Phenomenological Investigation], Moscow, Tri kvadrata, 2005.
Engels F. Briussel'skii kongress po voprosu svobody torgovli [The Free Trade Congress at Brussels]. In: Marx K., Engels F. *Sobr. soch. 2-e izd.* [Collected Works. 2nd ed.], Moscow, Gospolitizdat, 1956, vol. 4.
Filippov A. F. Sotsiologiia i kosmos: Suverenitet gosudarstva i suverennost' sotsial'nogo [Sociology and Cosmos: Sovereignty of the State and Sovereignty of the Social]. *Sotsio-Logos. Vyp. 1. Obshchestvo i sfery smysla* [Socio-Logos. Iss. 1. Society and Spheres of Sense], Moscow, Progress, 1991.
Freud S. Zhutkoe [Das Unheimliche]. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and Fantasy], Moscow, Respublika, 1995.
Goffman E. *Analiz freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience], Moscow, Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004.
Goffman E. *Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life], Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 2000.
Guy C. Sotsiologiia poznaniia i iskusstvo podozreniia (sotsiologicheskoe tolkovanie tolkovaniia) [Sociology of Knowledge and Art of Suspicion (Sociological Interpretation of Exegesis)]. *Bibliia v sovremennom mire: aspekty tolkovaniia* [The Bible in Modern World: Aspects of Exegesis], Moscow, Triada, 2002.
Ilyin V. *Dramaturgiia kachestvennogo polevogo issledovaniia* [Dramaturgy of Qualitative FIeld Research], Saint Petersburg, Intersotsis, 2006.
Kharkhordin O. *Oblichat' i litsemerit'. Genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Convict and Dissemble: Genealogy of the Russian Personality], Saint Petersburg, Moscow, EUSPb, Letnii sad, 2002.
Koolhaas R. *N'iu-Iork vne sebia* [Delirious New York], Moscow, Strelka Press, 2013.
Kundera M. *Nevynosimaia legkost' bytiia* [Nesnesitelná lehkost bytí], Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2003.
Kurennoy V. Filosofiia boevika [Philosophy of an Action Movie]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 1999, no. 4, pp. 96–103.
Latour B. Kogda veshchi daiut otpor: vozmozhnyi vklad "issledovanii nauki" v obshchestvennye nauki [When Things Strike Back a Possible Contribution of Science Studies to the Social Sciences]. *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshtain), Moscow, Territoriia budushchego, 2006, pp. 342–365.
Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, EUSPb, 2006.
Leiter B. The Hermeneutics of Suspicion: Recovering Marx, Nietzsche, and Freud. *The Future for Philosophy*, Oxford, Clarendon Press, 2004.
Luhmann N. "Chto proiskhodit?" i "Chto za etim kroetsia?" Dve sotsiologii i teoriia obshchestva ["What Is the Case?" and "What Is Hidden behind It?" The Two Sociologies and the Theory of Society]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2007, vol. 6, no. 3, pp. 100–117.
Reagan Ch. *Paul Ricœur. His Life and His Work*, Chicago, University of Chicago Press, 1996.
Ricœur P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Le Conflit des interprétations. Essais d'herméneutique], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.

Ricœur P. Model' teksta: osmyslennoe deistvie kak tekst [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2008, vol. 7, no. 1, pp. 25–43.

Safonova M. Drama polevogo issledovatelia: podozrenie v kachestve metoda [Drama of Field Researcher: Suspicion as a Method]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2006, vol. 9, no. 1, pp. 187–194.

Scott-Baumann A. *Ricœur and the Hermeneutics of Suspicion*, London, Continuum, 2009.

Ssorin-Chaikov N. V. Medvezh'ia shkura i makarony: o sotsial'noi zhizni veshchei v sibirskom sovkhoze i performativnosti razlichii dara i tovara [Bear Skins and Macaroni: On Social Life of Things in a Siberian State Collective, and On the Performativity of Gift and Commodity Distinctions]. *Ekonomicheskaia sotsiologiia* [Economical Sociology], 2012, vol. 13, no. 2, pp. 59–81.

Utekhin I. V. *Ocherki kommunal'nogo byta* [Sketches of Communal Life], Moscow, OGI, 2004.

Vakhshtayn V. S. *Delo o povsednevnosti. Sotsiologiia v sudebnykh pretsedentakh* [The Case of Everyday Life: the Sociology in the Judicial Precedents], Moscow, TsGI, 2015.

Vakhshtayn V. S. K mikrosotsiologii igrushek: stsenarii, affordans, transpozitsiia [Towards a Microsociology of Toys: Inscription, Affordance, Transposition]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2013, no. 2 (92), pp. 3–37.

Volkov V. V. Slova i postupki [Words and Deeds]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2009, vol. 8, no. 1, pp. 56–60.

Winner L. Do Artifacts Have Politics? *The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology*, Chicago, University of Chicago Press, 1986.